

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 14 сентября 1996 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 14 de septiembre de 1996 № 2405-2406

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ (Москва)

НОВОЕ УНИЖЕНИЕ РОССИИ

Те, кто дерзает отождествлять себя с российской государственностью, в очередной раз унизили имя Державы Российской. Через год после Буденновска, когда власти капитулировали перед террористами, разом уничтожив все плоды полугодовых усилий войск, события повторились практически по тому же сценарию. Снова после многих месяцев боев бандиты, под контролем которых не осталось практически ни одного населенного пункта, были загнаны в горы. И снова отчаянным усилием они разом переломили ситуацию в свою пользу. На сей раз несколько сот боевиков напали на Грозный и при содействии 2-3 тысяч своих заблаговременно вооруженных сторонников захватили его, почти воссоздав ситуацию декабря 1994 года.

Акция эта была рассчитана на тот же самый эффект, что и в Буденновске: как минимум — доказать, что их рано списывать со счетов (а накануне к тому и шло, и даже Лебедь, на которого рассчитывали покровители сепаратистов, заявлял, что „народ Чечни сделал свой выбор“ исходя из того, что есть правительство Завгаева, с которым и надо вести дело), а как максимум — сесть за переговоры с позиции силы. Как и тогда сторонники расчленения России (подавляющее большинство СМИ) должны были поднять вой о могуществе боевиков, безнадежности борьбы с ними, недопустимости нового кровопролития и заставить власти поступить так, как после Буденновска.

Так и случилось. Благодаря чему и кому? Ход событий дает еще больше оснований для вопроса „глупость или измена?“ Тогда штурм больницы был остановлен в момент вполне обозначившегося успеха, теперь создается впечатление, что боевиков специально впустили в город. Снова в эфире господствует точка зрения сепаратистов, и события освещаются исключительно с их слов. Вечером 9-го августа Ельцин называет случившееся проявлением терроризма, „бросающем вызов мировому сообществу“ и приказывает „решительно подавить“ его, очистив город от бандитов, даже „герой Буденновска“ Черномырдин говорит о необходимости ввода в Чечню дополнительных войск, ставится вопрос о введении чрезвычайного положения (не ставившийся даже полтора года назад) — а через два дня бандиты и террористы вновь превращаются в „оппозицию“, которой готовы передать власть в Чечне.

Только на сей раз в роли Черномырдина выступил его главный соперник в борьбе за будущее президентство — Лебедь. Расчет врагов российской государственности на его использование был точным. Уже приходилось писать, что Лебедь, который был бы вполне уместен на посту президента, может принести массу вреда по пути к этому посту. Именно на это и рассчитывали. Его хотели „подставить“ и дискредитировать как не дееспособного политика, навязав ему решение вопроса, который он, не обладая всей полнотой государственной власти, в принципе решить не мог.

Почему они так хотели, чтобы он немедленно занялся Чечней? Уча-

ствуя в предвыборной гонке, он неоднократно заявлял о необходимости вывода войск, и эти силы возлагали на него в этом плане большие надежды. После же его возвышения они всячески шантажировали его этими высказываниями, требуя „выполнить обещания“. Лебедь, которому вовсе не хотелось начинать свою деятельность с сокращения российской территории, всячески медлил и уклонялся, но в конце концов был „прижат к стенке“ — назначен представителем президента в Чечне. Ему надо было как-то выйти из положения, грозящего его дальнейшей карьере, и продемонстрировать способность „покончить с войной“. Действуя в узких рамках именно так поставленной задачи, Лебедь не мог бы решительно подавить боевиков военным путем, даже если бы захотел — такой власти ему бы не дали, а в ответ на его военные успехи тот же Черномырдин или кто-нибудь еще снова инициировали бы переговоры, давая боевикам собраться с силами. Между тем совершенно очевидно, что быстро „окончить войну“ можно только выведя войска и оставив сепаратистов в покое, то есть молчаливо согласившись на отделение Чечни. И, вынужденный заниматься Чечней, не будучи президентом, Лебедь и вышел из положения этим самым легким путем, „держа предвыборные обещания“. На это и рассчитывали — что он, спасая свою репутацию человека, способного вообще как-то решать вопросы, поступит именно таким образом.

„Демократическая общественность“ может торжествовать: дискредитировать Лебеда поводов еще будет много, а тут дело сделано. Сепаратисты получили то, что хотели: вывод войск и признание себя реальной властью в Чечне. Оставляя за собой реальный контроль над Грозным, они снова превратились из „бандитов“ в „высокую договаривающуюся сторону“ и более того — с перспективой полного отстранения Завгаева и передачи им власти в обмен на обещание формально остаться в составе России (это обещание, кстати, не заслуга Лебеда, оказавшись к лету в тяжелой ситуации, они и до переговоров с ним заявляли нечто подобное, но им вполне резонно не поверили и продолжали давить). Когда это осуществится, ситуация будет хуже, чем при Дудаеве 1991-1994 годы: для восстановления российского суверенитета над Чечней снова надо будет штурмовать укрепленный Грозный и повторить всю кампанию. Только если дудаевский режим был нелегитимным даже с точки зрения нынешних понятий, то яндарбиевский, оформленный „действительно честными выборами“, был бы по постсоветским понятиям абсолютно законным и предпринимать что-либо в отношении него будет гораздо труднее. А то, что, получив власть и убрав российских войска сепаратисты миглом забудут о своих обещаниях, представляется несомненным.

Наконец, допуск к власти людей, боровшихся против России с оружием в руках, убивавших русских солдат и севших террор в российских городах, может означать только полное признание поражения России. Едва ли кто-нибудь обольщал-

ся относительности дееспособности правительства Завгаева, но в условиях господства идеологии, не допускающей возможности открыто говорить о приоритете защиты целостности страны перед соблюдением „демократии“, оно было той необходимой ширмой, прикрываясь которой только и можно было противодействовать сепаратизму. Да и какой урок дается тем, кто не желает отделения от России — кто же из чеченцев захочет сотрудничать с российской властью под постоянной угрозой выдачи на милость сепаратистам?

Как бы там ни было, но Лебедь сделал все, чего вот уже полтора года требовали от властей все враги российской государственности от Е. Боннэр до К. Борового: переговоры с бандитами состоялись в самый невыгодный момент, в условиях очевидного бессилия войск быстро очистить Грозный. Издевательская по своей внешней парадоксальности ситуация: Госкомиссия по Чечне — оплот известного потворства Черномырдина, вроде бы упраздняется, все решение вопроса сосредотачивается в руках „главного патриота“ в нынешних властных кругах Лебеда — и для чего же? Для того, чтобы вопрос о капитуляции перед сепаратистами был решен еще более радикально!

Надо же называть вещи своими именами. Те, кто требует переговоров с сепаратистами, — требует на деле капитуляции перед ними, ибо всем (и им в том числе) ясно, что от своих целей сепаратисты никогда не откажутся, даже если будут что-то обещать (так на деле и было: до сих пор при всяких переговорах на уступки всегда шла федеральная власть). Требование „прекратить войну“ (синоним — „вывести войска“) на деле означало и означает только одно — предоставление Чечне назависимости. И вот с этими-то требованиями солидаризовался Лебедь.

Допустим даже, что при поездке в Чечню ему открылась вдруг „страшная тайна“ — войска физически не готовы и не могут справиться с боевиками. Что в этих условиях было бы сделано при другом подходе к делу? Прежде всего, были бы названы причины и виновники этой ситуации (Грозный нельзя отбить, потому что войска слишком мало, тем более предназначенных к уличным боям, а мало потому, что они последние месяцы выводились, а выводились — вследствие преступных переговоров с бандитами самого Ельцина). Затем, если нельзя справиться с этими силами, надо отступить, пусть даже временно уйти из города, срочно перебросить все боеспособные десантные дивизии, подготовить, наконец, антипартизанские спецчасти (в конце концов, призвать добровольцев, как бы низок ни был уровень патриотического сознания, но 20 тысяч человек из 150 миллионов населения набрать не составило бы проблемы) и затем перейти в наступление, не останавливаясь до полного уничтожения бандформирований, но не вступать в переговоры с террористами, не легитимизировать их. Ну, а при том подходе, который реально существует, было сделано именно последнее (хотя, казалось бы, оче-

видно, что власть, которая не в состоянии справиться с 3-4 тысячами бандитов при полутора миллионной армии — вообще не имеет право именоваться властью.

Обращает на себя внимание уже общая тональность прессконференции Лебеда и употребляемые выражения. Лейтмотив — „остановить войну“, но не „сохранить целостность России“. Между тем при приоритете первого о втором можно вообще забыть, ибо если главное — не воевать (и не нести потерь), то достаточно и в любом другом регионе поднять сепаратистский мятеж, чтобы Россия автоматически лишилась этой области. Далее — „Россия без Чечни обойдется“. Именно в атмосфере этой, навязанной расчленителями страны идеологии в 1991 году историческая Россия потеряла половину своей территории. При этом в числе приветствовавших „выход России из СССР“ были и „патриотические“ придурки, тешившие себя мыслью, что это окраины, мол, без России не обойдутся. Однако же обошлись и, более того, подпитываемые и поддерживаемые внешними силами превратились в антироссийские форпосты. И что вообще значит „обойдется“? Россия с тем же успехом „обойдется“ без любой своей области, она может существовать и в границах удела Калиты, продолжая считаться Россией. Но кто, кроме последовательных врагов российской государственности, хотел бы ее такой видеть?

Наконец, совершенно возмутительно пресмыкательство перед враждебными России журналистами (их-де безвинно обвиняют в информации со слов „министра информации Ичкерии“ М. Удугова). По Лебеда выходит, что в том, что наши СМИ освещают происходящее почти исключительно с точки зрения чеченских бандитов, виноваты... пресслужбы силовых ведомств, не дающие достаточно информации! Да любому обывателю очевидно, что для нынешнего состава работников телевидения и большинства газет это есть проявления собственной принципиальной позиции. Они ненавидят российскую государственность гораздо больше, чем чеченские сепаратисты (тем, в конце-концов, надо оторвать от России только Чечню, а этим — чем больше, тем лучше), и по любому вопросу, связанному с перспективами возрождения величия России, никакой другой позиции, кроме антироссийской, никогда не занимали. И перед такой-то сволочью расшаркиваться „главному патриоту“?

Нечего говорить, невеселая картина, когда два главных претендента на будущее президентство, Черномырдин и Лебедь, соревнуются друг с другом не в том, кто более способен вернуть утраченные территории, а в том, кто успешнее отрежет от России новые куски, кто скорее „сдаст“ Чечню. Похоже, что вопросы, подобные чеченскому вообще не могут быть разрешены в положительном для России смысле до тех пор, пока не будет решен окончательно вопрос о власти, и людям, стоящим во главе страны, не будет нужды постоянно оглядываться ни на оппозицию, ни на конкурентов.

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

УВЯДШИЕ ИДЕАЛЫ

Кто-то из французских публицистов (помнится, Жан Дютур) уже обращал внимание читателей на курьезный факт.

Когда надо похвалить какой-нибудь товар, привлечь к нему потребителей, сделать его заманчивым, — его неизменно называют „королевским“ или „императорским“.

Те же слова — royal, impérial, — постоянно фигурируют на вывесках парижских и провинциальных кафе, ресторанов, магазинов.

Термин republicain встречается куда, куда реже (разве что в случаях, когда делу надо придать политическую окраску).

Очевидно, с республикой у французских масс не ассоциируются сколько-нибудь приятные представления.

Любопытно и другое. Прежде, —

даже еще в первое время после Второй Мировой войны, — 14 июля, день взятия Бастилии, праздновался три дня, собирая толпы, носил характер народного увеселения.

Теперь и один-то день справляется довольно бледно...

Прав, может статься, был Гумилев, сказавший, что французы — грустный народ, и что это потому, что у них нет короля.

Зато иностранными королями и королевскими принцами и принцессами они очень интересуются, и их фотографии и рассказы о них заполняют многие страницы журналов и газет, предназначенных для широкой публики.

Увы, вернуться к монархии Франции было бы трудно; труднее, пожалуй, чем многим иным странам.

Елизавета Веденева

ГЕННАДИЙ КРИВАГО

КАЗНЬ, А НЕ УБИЙСТВО

Читатель Лев Степанов (см. стр. 4) большой чудак! Казнь не означает „справедливое наказание“; ни даже „юридически оформленное наказание“. И это слово никак не вызывает обычно у читателя или слушателя сочувствия к инициаторам (скорее — к жертвам).

Когда мы говорим о казнях Иоанна Грозного, то, нормально, — с негодованием. Казнь часто бывает и несправедливой, и даже преступной. Возьмите у Пушкина, о Кочубее:

Завтра казнь. Но без боязни

Он мыслит об ужасной казни.

Тут никакого сочувствия Мазепе нет!

Точно также, нормально пишут о Разине или о Пугачеве, что он мол „казнил“ или „велел казнить“ такого-то боярина или офицера. И даже о святых или апостолах, что они мол были казнены римлянами (а отнюдь не **убиты**!).

Говорим же мы о казнях Карла Первого, Марии-Антуанетты, Марии Стюарт, — и ничуть их не одобряем!

Сказать же, что там Пугачев или Разин кого-то убил означало бы „собственной рукой“.

В случае с Царем и его Семьей **убийство** звучало бы как раз наруку большевикам, выражая идею, что это же было спонтанное, хаотическое дело, проявление народного гнева или, самое большее, самовольство местных властей. А оно было как раз по приказу (вполне продуманному) центральной власти, ленинского правительства.

Так что я решительно против употребления тут слова **убийство**! Нахожу такое употребление весьма неудачным!

И — как же это там „казнят только воров и преступников“?! Тогда придется всю историю большевизма переписать заново, все их расстрелы окрестить „убийствами“ (что привело бы к

величайшей путанице!).

Да и всю историю пришлось бы переписать: все политические казни переименовать, в елизаветинской Англии, например; при Генрихе Восьмом; всю историю Испании, Реформации, со множеством казней на религиозной почве, весь якобинский террор переименовать!

И почему „не допускать“ этого слова о Царе?

Казнь, вообще это всякое наказание (и особенно „смертная казнь“) по распоряжению **правительства** (совершенно все равно, хорошего или нет) или хотя бы диктатора, тирана, даже атамана разбойников. Если он сам убивает то это еще можно назвать убийством (а можно и казнью), а если он велит убить, и его распоряжение выполняют, так это уж, безусловно будет казнь, exécution.

Убийство Власова означало бы **покушение** какого-нибудь террориста. А например поляков в Катыни, конечно, **казнили**, а не **убили**. Ведь их убивали не по личной воле палачей, а по приказу свыше, исходившего, в конечном счете, от самого Сталина.

Напротив, убийства Володарского, Урицкого, Войкова, или, например, Марата, — хотя сто крат заслуженные и справедливые, — это все же убийства; **казнь** их можно называть только в переносном, метафорическом и риторическом смысле (а вот, скажем, Робеспьера **казнили**).

Вообще, официальный расстрел, повешение, четвертование, — это всегда **казнь**; независимо от того насколько несправедливая, хотя бы даже чудовищная. И все равно, казнят ли по повелению монарха, или казнят монарха по повелению бунтовщиков, как Карла Стюарта, или Людовика Бурбона.

ГЕННАДИЙ КРИВАГО

К. Н. ХОХУЛЬНИКОВ (Ростов на Дону)

УСКОРИМ ВОЗВРАЩЕНИЕ!

В 90-е годы в российскую литературу возвращаются, но, к сожалению, слишком медленно, имя и богатейшее литературное наследие одного их крупнейших русских писателей XX столетия, бывшего атамана Всеволодича Войска Донского, генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова.

П. Н. Краснов — автор множества написанных как до революции, так и особенно в 20-40-е годы в эмиграции, рассказов, очерков и статей, а также 23 романов и повестей, в том числе для детей и юношества, Большая часть которых издана и переиздана за рубежом не только на русском, но и на 11 иностранных языках.

И только в России его творчество и по сей день еще мало известно. А жаль! Очень жаль! Ведь П. Н. Краснов, при всей сложности, противоречивости и трагичности его жизни и судьбы, безусловно талантливый писатель, главной героиней большинства произведений которого была **Россия** и который всем своим творчеством воспитывал у читателей гордость за славное российское прошлое, укрепляя веру в грядущее возрождение Великой, Единой и Неделимой России и традиционно верного ей казачества!

С помощью ряда соотечественников за рубежом, прежде всего уроженки г. Таганрога (Россия) О. П. Жавоян (США), а также сыновей донских кадет А. Б. Арсеньева (Югославия) и Н. Л. Казанцева (Аргентина) уже получены для переиздания: 4-томный роман-эпопея „От Двуглавого Орла к красному знамени“, исторические романы „Цесаревна“ и „Екатерина Великая“, сентиментальный роман „Амазонки пустыни“, романы „Понять-простить“, „Опавшие листья“, „В житейском море“, „С нами Бог!“, повести для детей и юношества „С Ермаком на Сибирь“ и „Мантык — охотник на львов“, а также десятки рассказов, очерков и статей П. Н. Краснова.

Из них роман „Екатерина Великая“, „Амазонки пустыни“ и „Понять-простить“, а также до десятка рассказов и очерков П. Н. Краснова в 1994-1996 годах опубликованы в журнале „Дон“ (г. Ростов на Дону) и стали достоянием российских читателей.

Однако, все это только начало, хотя и достаточно успешное, процесса розыска, сбора и возвращения в отечество богатейшего литературного наследия П. Н. Краснова. Еще многое, в том числе более полные, переработанные вторые и последующие издания романов, множества рассказов, очерков и статей, опубликованных в 20-40-е годы в различных изданиях российского и казачьего зарубежья, предстоит найти и донести их содержание до российского читателя.

Но, не будем обольщаться, эту огромную поисковую и исследовательскую работу можно будет выполнить только с помощью заинтересованных соотечественников за рубежом. И за эту помощь заранее выражаю искреннюю признательность!

К. Н. Хохульников

Россия, 344101, г. Ростов на Дону,

пер. Ставского, 50, кв. 7

Тел.: 8632-62-63-13 (дом.)

ПЕЧАТЬ

„ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ“

Раз за разом, в интервью, статьях, заметках повторяется: „я коммунист... я коммунистка... я за социализм... я никогда не был и не буду против советского строя...“

Тоскливо и противно эту мутную бурду не то, что читать, а хотя бы и проглядывать...

Трудно даже поверить, что всего несколько лет тому назад эта же газета была правдивой и симпатичной.

В те времена она часто цитировала „Нашу Страну“, а мы с одобрением не раз о ней упоминали. Какие редакционные, закулисные и тайные сдвиги в ней произошли, — не станем гадать!

Отметим просто факт, что с позиций служения России она перешла на преступные позиции предательства родной страны.

СУРОВЫЙ СУДИЯ

В „Новом Русском Слове“ от 24 мая с. г., Сергей Чупринин, „главный редактор литературного ежемесячника „Знамя““ в Москве, декларирует:

„Принципиально не публикуем детективы, научную фантастику, „дамские романы“...“

Если бы Достоевский жил в наши дни, он, очевидно, напрасно

предлагал бы „ежемесячнику“ романы как „Преступление и наказание“ и „Братья Карамазовы“.

Если появятся в „бывшем СССР“ авторы типа и ранга Эдгара По или Честертона, — двери „Знамени“ им будут, увы, закрыты.

Что до научной фантастики, давней великолепные произведения под пером Герберта Уэллса и Жюль Верна, они сейчас в относительном упадке и на Западе и в РФ, хотя иногда появляются вполне стоящие вещи. В 20-е годы она цвела в СССР, под пером авторов как Беляев и Орловский, стоявшие по уровню куда выше, чем основная продукция „Знамени“.

Относительно „дамских романов“, затрудняемся понять, о чем тут, собственно, речь? Романы, которые пишут дамы, или которые пишутся для дам? Отчетливо видно только презрение г-на Чупринина к данному жанру.

Мы бы напомнили ему слова Вольтера: „Все жанры хороши, кроме скучного жанра“.

И детективные, и научно-фантастические романы, и „дамские“ (какой бы смысл в это определение ни вкладывать) могут быть талантливые, и тогда служить украшением любого журнала.

К сожалению, ныне почти во всех литературных журналах в РФ гуще всего представлен именно **скучный жанр**, на горе для читателей.

В. Р.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В „Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича“ поступили следующие суммы, за которые редакция приносит сердечную благодарность:

от А. В. Неелова — 48,00 песо, от о. Александра Ивашовича — 50 песо, от „Общ. Друзей России“ — 200 песо, от о. Алексия (Белозерова) — 200 ам. долл., от Владыки Митрофана Бостонского — 250 ам. долл.

Владимир Гранитов

ПАМЯТИ БЕЛЫХ ВОЖДЕЙ ЗАРУБЕЖЬЯ

Одиннадцатого сентября в Синодальном Соборе в Нью Йорке будет совершено отпевание генералов Александра Павловича Кутепова и Евгения Карловича Миллера, наследников генерала Врангеля на посту возглавления военной Белой эмиграции, дерзко и безнаказанно похищенных агентами большевиков среди белого дня в Париже, последовательно в 1930 и в 1937 годах. Ввиду отсутствия каких-либо сведений об их дальнейшей судьбе и полной уверенности в их смерти, они так и остались до сего времени без церковного отпевания, хотя в последние годы, после открытия некоторых архивов НКВД и стало известно, что генерал Кутепов скончался от сердечного удара на корабле, по пути из Марселя в Новороссийск, в ста милях от последнего, а генерал Миллер был расстрелян 11 мая 1938 года после полуторалетного пребывания на Лубянке. Теперь это отпевание будет совершено.

В свое время эти похищения, имевшие целью обезглавить Белую военную эмиграцию, правильно оценивавшуюся большевиками своим наиболее убежденным врагом, переживались не только русской Белой эмиграцией, но каждое явилось мировой сенсацией, комментировавшейся всеми ведущими газетами западного мира. Но сегодня западный мир прочно забыл о них, а у нас в Зарубежье осталось сравнительно немного современников этих событий, которые переживали их лично, как страшный удар коварного врага, как гибель наших идейных вождей и мучились сознанием нашего бессилия и незащитности в политическом климате государств Западной Европы.

Таковыми свидетелями этих событий могут быть лишь лица из состава первой волны эмиграции не моложе 75-ти лет. Для более молодых это уже не личные воспоминания, а история — события о которых им рассказывали их старшие, или о которых они читали. Для представителей второй волны эмиграции это тоже лишь история, о которой некоторые из них вообще не слыхали, а, если и слышали, то в их сознании трагедия этих похищений оказалась заслоненной современными им трагедиями выдач генералов А. А. Власова, П. Н. Краснова, Х. фон Паннвица и их сподвижников и подчиненных.

Послевоенные поколения Зарубежья могли слышать об этих похищениях в семье, преимущественно от бабушек и дедушек (так как родители заняты работой), или в русской школе. Пока в этих школах были такие педагоги, как генерального штаба полковник Ивановский у нас в Сан Франциско, или генерального штаба полковник Сергеевский в Лос Анжелесе их ученики могли знать о них (но и этим ученикам уже за пятьдесят). Сегодня же, я не думаю, чтобы в наших церковных школах говорилось об этих событиях. А следовало бы.

В этих условиях не удивительно, что и у нас в Зарубежье для многих лиц белая борьба и ее герои становятся уже областью истории, а не жизненной реальностью. С этим явлением нужно бороться и большую помощь могут оказать русские национально-патриотические газеты, помещая в предвидении различных юбилеев, соответствующие информационные статьи. Поэтому сейчас, перед предстоящим отпеванием в Нью Йорке и панихидами во многих храмах Зарубежья мы поместим в зарубежной прессе несколько статей о генералах А. П. Кутепове и Е. К. Миллере. К сожалению те, кому было бы особенно полезно прочесть эти статьи, эмигрантских газет не читают. Но мы верим, что эти статьи послужат конспектом для бабушек и дедушек и, главное, что они попадут в Россию, куда наши газеты попадают и где их читают внимательно.

Владимир Гранитов

ЯЗЫКОВЫЕ УРОДСТВА

СЛАВЕНОБЕСИЕ

В „Единении“ от 16 февраля с. г., в статье „Еще о русском языке“, А. Анучкин-Тимофеев довольно трезво констатирует:

„Выражая тревогу по поводу чрезмерного засорения русского языка, мы в то же время считаем необходимым подчеркнуть, что речь не идет о какой-то стерилизации языка, его повальном очищении от иностранного элемента. Речь идет всего лишь о соблюдении меры“.

Он портит дело, атакуя подсоветского литературоведа Е. Винокурова за употребление слов доминанта (каковое, помнится, часто употреблял И. Л. Солоневич, которого трудно упрекнуть в отсутствии чувства русского языка), периферия, коллизия, монотонность и ряда других. Обойтись без этих и подобных слов было бы если не вчистую невозможно, то, во всяком случае, очень трудно; да и зачем это

нужно?! Они давно и прочно вошли в литературную речь, даже и в устном и повседневном ее оформлении.

Не можем согласиться и с конечным параграфом статьи А. Анучкина-Тимофеева: „И еще, что к сожалению, часто забывается и упускается из вида. Существует же огромное славянское языковое море, из которого не зазорно черпать то, что нужно русскому языку в его поступательном и непрерывном развитии и наполнении“.

Существует, конечно. Но у других славянских языков — иная, чем у нас история, иные приемы и привычки. А главное, они, в технической, политической, коммерческой и т. д. областях нас не опередили. Найти у них полезные сейчас России слова вряд ли бы удалось. Они и сами-то подобные термины заимствуют с Запада. Боимся, что слова, взятые из сербского или чешского (кроме случаев, когда речь о специфических местных явлениях, или когда желательно создать местный колорит) мало на что годились бы в русском обиходе. Попытки заменить ими всякие неприятные новшества вроде шоу или маркетинг оказались бы, вероятно, безуспешными.

Аркадий Рахманов

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ ОТПЕВАНИЕ БЕЛЫХ МУЧЕНИКОВ

СООБЩЕНИЕ РУССКИМ ЛЮДЯМ И НАШИМ
ВОИНСКИМ И ПАТРИОТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Двадцать шестого января 1930 года в Париже был похищен агентами большевиков начальник Русского Обще-Воинского Союза генерал А. П. Кутепов, а 22 сентября 1937 года там же похищен и его преемник генерал Е. К. Миллер. Поскольку не имелось никаких определенных сведений об их дальнейшей судьбе и не было полной уверенности в их смерти, они так и остались до сего времени без церковного отпевания, хотя в последние годы, после открытия некоторых архивов НКВД, стало известно, что генерал Кутепов скончался от сердечного удара на корабле по пути из Марселя в Одессу, незадолго до прибытия в последнюю, а генерал Миллер был расстрелян в Лефортовской тюрьме в Москве. Его Высокопреосвященство, архиепископ Серафим Брюссельский и Западно-Европейский указал мне на это ненормальное положение и предложил проявить инициативу от лица Русского Обще-Воинского Союза для совершения чина отпевания погибших генералов.

Генерал А. П. Кутепов

Генерал Е. К. Миллер

В результате моего обращения к первоиерерху Русской Православной Церкви Заграницей, Его Высокопреосвященству Митрополиту Виталию, Архиерейский Синод постановил:

1) Совершить отпевание мученически скончавшихся генералов Александра Павловича Кутепова и Евгения Карловича Миллера в Синодальном соборе в Нью Йорке, во время предстоящего Архиерейского Собора, вечером 11 сентября с. г.

2) Издать циркулярный указ о совершении панихиды по погибшим генералам во всех храмах Русской Зарубежной Церкви в тот же день, или в ближайшее воскресенье.

День 11 сентября — Усекновение Главы Св. Иоанна Крестителя — выбран как день, в который наша Православная Церковь поминает православных воинов на поле брани убиенных и всех за правду пострадавших. Начало отпевания в Синодальном соборе в Нью Йорке назначено на 4 часа дня.

Сообщая о вышеизложенном, хочу подчеркнуть, что отдав последнее долга памяти наших Белых Вождей, честно погибших на своем посту, не является внутренним делом Русского Обще-Воинского Союза, а патриотическим долгом всей Белой эмиграции. Желательно, чтобы организации, имеющие возможность сделать это, прислали своих представителей на отпевание в Синодальный собор (75 East 93-rd Street, New York) и совместно с другими патриотическими организациями присутствовали на панихиде в своем местном храме.

ПОРУЧИК В. В. ГРАНИТОВ

Начальник Русского Обще-Воинского Союза
Сан Франциско, США

Во исполнение Указа Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви, в Кафедральном Соборе Буэнос Айреса, в воскресенье 22 сентября 1996 года, после Божественной литургии, будет совершена панихида по похищенным богоборческой властью Белым воинам, генералам

АЛЕКСАНДРЕ ПАВЛОВИЧЕ КУТЕПОВЕ

И
ЕВГЕНИИ КАРЛОВИЧЕ МИЛЛЕРЕНациональной эмиграции предлагаем
откликнуться на это.ПОДПОРУЧИК Д. В. ДОМРАЧЕЕВ
Представитель Русского
Обще-Воинского Союза в Аргентине

Редакция „Нашей Страны“ скорбит о последовавшей в Хомбуше, Австралия, смерти верного сына Исторической России, народно-монархического деятеля, изредка писавшего в газете под псевдонимом „Л. Пожарский“

ЛЕОНИДА АПАНАСКЕВИЧА

и выражает свое соболезнование родственникам
покойного. Да будет ему пухом чужая земля!

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

УБИЙСТВО, А НЕ КАЗНЬ

По случаю годовщины убийства Царской Семьи, 17-го июля руководство Аргентинского Отдела Организации Российских Юных Разведчиков присутствовало на молитве Царственным Мученикам в Кафедральном Соборе Воскресения Христова в Буэнос Айресе. В школе и гимназии ОРЮР, эта дата была отмечена демонстрацией фильма „Жизнь за Царя“ и беседой на тему дня.

Четвертого августа руководители ОРЮР присутствовали на панихиде по вождям Власовского Движения и убитых вместе с ними белым офицерам. Днем раньше беседа на сборе Дружины ОРЮР была посвящена Русскому Освободительному Движению.

К сожалению, все меньше и меньше белых эмигрантов отмечают исторические события, связанные с большевизмом захватом власти и уничтожением миллионов русских людей.

В газетах пишут о „казни“ царя, о „казни“ власовцев. Казнили и казнят воров и преступников. Государя и его Семью не казнили, а подло убили, также как и Власова и его сподвижников. Нам бы стоило этого не забывать, если мы еще белые эмигранты, а не беженская масса.

Лев Степанов (Аргентина)

ОТ РЕДАКЦИИ: „Наша Страна“ обычно не употребляла слово „казнь“ по отношению к Царской Семье. Более того, на ее страницах порою объяснялось почему это слово, — как и слово „растрел“ — не применимо к злодеянию 17-го июля 1918 года. В отношении же к генералу Власову или скажем к генералу Краснову, слово „казнь“ семантически допустимо, ибо оно подразумевает вынесение пригово-

ра, пусть даже и несправедным, не признаваемым нами судом. Впрочем сами власовцы употребляли и употребляли слово „казнь“ в своих траурных объявлениях и заметках. Находим мы его и в апологетической книге Сергея Фрелиха „Генерал Власов“. Причем неверно, что оно относится только к „ворам и преступникам“. Напомним, например, „Утро стрелецкой казни“. Во всяком случае, употребление слова „казнь“ никак не превращает нас в „беженскую массу“...

ЭПИЗОДЫ БЫТИЯ ПИСАТЕЛЯ

За более чем 20-летнее существования журнала „Латинская Америка“, в котором я работаю, имя И. Л. Солоневича не появилось в нем ни разу. Конечно же, надо исправить эту несправедливость, рассказать и о нем и о его точке зрения на идеальный вариант устройства России. Статью постараюсь завершить вчерне во время летних „каникул“ в Москве и прислать ее „Нашей Стране“ на просмотр, но не для „цензуры“, а для выявления возможных фактологических и иных невольных ошибок.

У меня, к сожалению, нет материалов, в которых раскрывался бы латиноамериканский период жизни И. Солоневича. Наверное, такие публикации в „Нашей Стране“ после его смерти. В одном из полученных мною экземпляров я нашел ссылку на номер 1709, в котором напечатана статья о последних днях писателя. Нельзя ли получить этот номер, а также другие, по которым можно связно выстроить эпизоды его аргентинско-уругвайского бытия? В чем, кстати, заключалась провокация, побудившая его уехать в Монтевидео? Рассказывает ли об этом где-нибудь сам Солоневич? Хотелось бы иметь именно его

версию событий.

В 1956 году в Буэнос Айресе планировалось издание полного собрания сочинений И. Солоневича. В частности, том 11 — „Иван Лукьянович о самом себе“ — был ли он напечатан? Если нет, то сохранился ли рукописный проект этого тома? Вышел ли в свет том 7-ой („Так что же было в Германии?“)? Как я понимаю, Германия — „преддверие“ латиноамериканского этапа в судьбе И. Солоневича. Есть ли возможность получить этот цикл статей?

Много, конечно, просьб, но если делать статью, то качественно и с любовью и к герою и к подробностям его жития. С латиноамериканского периода Ивана Лукьяновича начинаю только потому, что проблематика моего журнала имеет ярко выраженный „региональный“ характер.

Несказанно благодарен Н. Л. Казанцеву за воистину царский подарок — произведения И. Солоневича. Все книги — библиографическая редкость! Ни одной из них я ранее не видел, а ведь букинистические магазины Москвы я прочесывал регулярно.

К. Сапожников (Чили)

ОТ РЕДАКЦИИ: Кроме упомянутых книг, К. Н. Сапожникову также выслана подборка старых номеров „Нашей Страны“, в которых он найдет ответы на многие из задаваемых им вопросов. Помимо того, для создания более полной и достоверной картины — благо, с одной стороны, мы довольно часто получаем схожие запросы, а с другой, — с досадой видим как часто печатается в России искаженная информация об И. Л. Солоневиче — „Наша Страна“ публикует сегодня статью Н. Л. Казанцева на эту тему. Что касается „Собрания Сочинений“ — вышло только два тома: первый — „Великая фальшивка Февраля“ и второй — „Диктатура Слоя“. Остальные

были в замысле Всеволода Константиновича Дубровского, но из-за финансовых затруднений и, в особенности, по причине пошатнувшегося здоровья, он осуществить его не смог. Упомянутые в плане этого „Собрания Сочинений“ циклы статей можно найти в комплектах „Нашей Страны“. Однако, относительно предполагаемой книги „Иван Солоневич о самом себе“, сведения, на которых она должна была основываться, разбросаны во множестве статей и книг писателя, а В. К. Дубровский не успел даже приступить к работе по их собиранию. В заключение и чтоб поставить предел нелепым измышлениям — когда-то распространявшимся „бывшим братом“ писателя Борисом Лукьяновичем, проживавшем в те годы в Бельгии, а теперь подхваченным советскими борзописцами — о якобы насильственной смерти писателя, мы ниже воспроизводим письмо Т. В. Дубровской от 8-го октября 1969 года другу детства Ивана Лукьяновича, Льву Рубанову, представителю „Нашей Страны“ на Бразилию.

„Многоуважаемый Лев Степанович! У Б. Л. Солоневича определенно неправильные данные о том, как И. Л. умер. Вкратце: И. Л. еще здесь, в Аргентине, очень страдал от язвы желудка, но не лечился и много пил. Вам, как его закадычному другу, могу сказать то, что никому никогда не рассказываю. Когда мы еще жили вместе (первые шесть месяцев нашего с Вс. К. пребывания в Аргентине) с Солоневичами, то сама видела как И. Л. днем держал диету, а вечером переходил на вино. Когда он переехал в Уругвай его язва ухудшилась и наконец перешла в рак. Не знаю кто его оперировал, но все время болезни он был окружен теми русскими, которые и по сей день являются верными подписчиками „Нашей Страны“ и никто из них не был подозрителен. Надо принять во внимание, что организм И. Л. к тому времени настолько ослаб, что неудивительно, что он не выдержал операции. К тому же он фактически никогда и не лечился. И если и ходил к докторам, то потом не исполнял их предписаний. Да и курил он как в старые добрые времена. То, что И. Л. зарезали, придумал Б. Л. — не знаю за чем. Здесь же и в Уругвае таких сплетен даже не бывало“.

СРЕДИ КНИГ ОЗЛОБЛЕНИЕ

Книга покойного уже ныне Владимира Максимова „Самоистребление“, изданная в Москве в 1995 году, отражает его злость и раздражение на весь мир. Иногда эти чувства в известной мере заслужены, иногда выглядят как его досада, что ему не отведено было место какого он считал себя достойным.

Вот его точка зрения на положение дел у нас на родине: „Нынешняя Россия — это симбиоз вчерашних номенклатурных растлителей с абсолютно безнаказанной уголовщиной, наглая всемирная побирушка, не вызывающая у цивилизованного человечества ничего кроме брезгливого презрения“.

Себя он рисует задним числом как неумолимого борца с коммунизмом. А было не так: основанный им журнал „Континент“ все далее и далее съезжал на позиции „коммунизма с человеческим лицом“, занимая резко враждебную позицию по отношению ко всем последовательно антикоммунистическим группировкам Зарубежья. Только неожиданные перемены в СССР положили этому скольжению предел.

Передадим ему слово опять: „Разумеется, мало ли кто кем был раньше. Почти у каждого из нас, во всяком случае людей моего поколения, есть о чем сожалеть в своем прошлом“.

Надо оговориться, что такие слова применимы лишь к жившим до недавнего времени в советской России (да и то не ко всем); но отнюдь не к первой или второй эмиграции, и только частично к третьей. Нам, в политическом смысле, „сожалеть“ не о чем.

Далее он высказывается так: „Самое страшное из того, что с нами произошло, — это крушение иерархии ценностей в нашем обществе. Разрушение языка — только следствие этого обвального процесса“.

Это уж тем более относится только к лояльным советским гражданам недавнего прошлого. Для нас, антикоммунистов, иерархия советских ценностей не котируется; мы уж их, скорее, воспринимали наоборот.

Не церемонится Максимов и с Америкой; вот как он формулирует ее нынешние пожелания касательно России: „Задача эта более чем прозрачна: разжигание межнациональной резни, разрушение иерархии моральных, гражданских и культурных ценностей, разложение армии, Церкви, школы, государственного аппарата. И для этого все средства хороши“.

Не более высокого мнения он и о национальном характере самих американцев: „Добровольный конформизм обыкновенных американцев дает сто очков вперед советскому, навязанному свыше... Типичный американец вообще не приемлет спора, столкновения мнений, серьезной дискуссии. Если вы не соглашаетесь с ним, он

вычеркивает вас из сферы своего внимания“.

Психологию „нашего нынешнего заокеанского партнера“ он резюмирует следующим образом: „Для него сама мысль о существовании России как единого цивилизованного целого невыносима“.

Особенно резок бывший редактор „Континента“ со своими оппонентами в теперешней России. Разделим впрочем целиком его взгляд на отвратительного С. Новова, ухитряющегося быть одновременно сотрудником „Молодой Гвардии“ и „Русской Мысли“ (у которых взгляды, вроде бы, и разные!), да пожалуй и на В. Новодворскую, которую он не обинуясь именует „омерзительной гадиной“.

Остановимся подробнее на его полемике с подсоветским публицистом Ю. Черниченко по поводу событий в оккупационной зоне России во время войны, который пишет: „Ударил в рельсу, собрали народ, распустили колхоз, и все были с хлебом“.

Максимов возмущается: „Не говоря уж о моральном цинизме сказанного, это и прямая фактическая ложь. Мы с Черниченко люди одного поколения. Не знаю, где он находился во время войны, но меня случай занес на родину моего отца и деда, что в Тульской области, сразу же после ее освобождения от оккупации. Так вот, свидетельствую: гитлеровцы колхозы не распускали, ибо тоже понимали преимущества коллективного хозяйства перед индивиду-

альным для продовольственных реквизиций, а с хлебом у них было еще хуже, чем при Сталине“.

Приходится лишний раз констатировать, сколь плохо советские люди информированы о событиях войны. Там, где немецкое завоевание носило стабильный характер, колхозы и впрямь сохранялись; а там, где немцы только проходили, и где у них руки не дошли до установления своего порядка, — там было именно так как описывает Черниченко. Так что тут оба оппонента правы! Посоветуем читателям Максимова ознакомиться с книгой поляка Ю. Мацкевича „Об этом нельзя говорить громко“. Впрочем, В. Рудинский затрагивает те же вопросы в своей рецензии на книгу В. Солоухина „Последняя ступень“.

Таким же негодованием, — впрочем, обоснованным, — дышат нижеследующие слова автора „Самоистребления“: „Или какая корысть, какой расчет, какие комплексы заставляют заморского Бориса Парамонова и отечественного Виктора Ерофеева, вполне, казалось бы, психически нормальных людей, страстно доказывать своей многомиллионной аудитории, что у России никогда не было ни истории, ни культуры, а была, как утверждает та же Новодворская в тех же журналах „Историческая жлякса, нонсенс, несданный урок““.

Ну, тут ответ простой: диктат Соединенных Штатов.
Савва Юрченко

БИБЛИОГРАФИЯ

М. Альтман. „Разговоры с Вячеславом Ивановым“. (СПб, 1995).

Разговоры эти велись вначале 20-х годов в Баку, где В. Иванов был профессором, а Альтман (в будущем видный советский литературовед) студентом.

Из высказываний Иванова выпишем некоторые любопытные мысли.

О национальностях: „Русский народ, верую я, или Богоносец (Христофор) или сатаносец, но он не семяносец, каковыми являются немцы, француз, грек, англичанин“.

О животных: „Существуют разные взгляды на животных, но, по моему, например, волк благороднее собаки, потому что не стал рабом человека. Другое дело — кошка; она хоть с человеком живет, но сохраняет полную свою независимость. Осел тоже, по моему мнению, благородное и мудрое существо, и его вообще ошибочно принимают за глупого и смешного“.

О собратях-писателях: „Конечно, Бальмонт подлинный, Божьей милостью, первоклассный поэт, но он, к сожалению, слишком много (скажем скромно: 70 %) написал ненужного: перепевы самого себя, повторения, случайное, внешнее и — иногда и пошлое. Но он вообще-то поэт непошлый. Пушкин тот вот ничего пошлого не сказал, и я, любя Пушкина (даже не Пушкина, а Красоту) не могу не сердиться на Бальмонта, в указанном случае“.

„Брюсов — несомненный и огромный талант. Но он самым грубым образом изнасиловал свою музу, он с ней дурно обращался, таскал ее за волосы, бил ее. В этом подобен он Некрасову, муза которого тоже была иссечена не правительственным кнутом... Какой-то эмпирический (не метафизический) тяготеет над ним грех, и Брюсов служит Злу“.

„У Толстого вот в глазу есть дух такой, который мне чужд. Это — дух брезгливости. Толстой смотрит на все брезгливо, с каким-то отвращением. Сорюсь, например, с Тургеневым, он говорит, что ненавидит его за то, что у Тургенева такие-то ляжки. Оценивать человека с точки зрения ляжек — это характерно для Толстого“.

„Достоевский (и в этом подобен он Данте) взвешивает вину и искупление на каких-то тончайших гомеопатических весах“.

О футуристах: „Это — поэзия намеков, но притом дурно пахнущих, отвратительных, гнилых, и при этом сами футуристы мне физиологически противны, они какие-то сладострастные облизы... И Бодлер изображает падаль, но при этом он не чувствует себя так дома, как футуристы“.

О французских писателях: „Роллан... Schoene Seele, прекраснотдушный романтизм. Он, конечно, антиимитарист, и во время европейской войны, так как он француз, то он был за Германию, будь он немец, он был бы за Францию... Теперь он, конечно, сочувствует большевикам, и, как баран, блеет: „Бэ, я коммунист, бэ-э, я коммунист...“

„Анатоль Франс — полная противоположность Роллану. Он,

всегда подрывающий основы, — это своего рода Вольтер. Это человек уже не лирики, а иронии, это человек злобный, это — черный кот. Этот уж не как баран блеет, а как кот мяучит: „Мяу, мяу, я коммунист, я коммунист...“

„Мопассан — артист, и к тому благородное, великое сердце, grand coeur“.

„Вилье де Лиль Адан — романтик, но это не беда, вот Гофман — романтик тоже, но он умный, а Вилье вот неумный. И к жизни относился внешне, совсем по-детски. Умереть нищим на чердаке и мечтать о том, что ты потомок королей — как это незначительно“.

Об имажинистах: „Есенин близок к мифотворчеству, он несомненно талантлив, хотя учителя его, Клюева, я считаю выше. Мариенгоф, тот тоже талантлив, но Смердяков. Шершеневича знаю я меньше, но он мне представляется скорее с преобладанием ума или воли, чем чувства“.

О большевиках: „Да, они насадили дерево, но какое? Три головы у Горгоны, тройнично это дерево; и один его ствол есть безбожие, другой — безличие, третий — отрицание свободы, то есть они против Отца, Сына и Святого Духа. Одно, что за ними нужно признать — это их живучесть, но они все-таки умрут. Ибо хотя я знаю, что Сатана силен, очень силен, но я знаю, что есть Некто, Кто сильнее его. Если бы я не так думал, я бы давно кончил самоубийством и плюнул бы этому миру. Но я знаю, что Сатана не самый сильный“.

О революции: „Революция есть великое зло; она — разрушение, а разрушение всегда зло. Это есть клоака самых низких человеческих инстинктов, и как бы мы ни маскировали дело революции, перед лицом совести правда остается правдой“.

Отдельно отметим высказывания В. Иванова о Гумилеве. На вопрос „Слышали вы о смерти Гумилева?“ — он отвечает: „Нет, не о смерти, а об убийстве гнусном, отвратительном. Его убила ЧК по обвинению в каком-то контр-революционном заговоре (человек 60 всего убили, называют профессора географии Таганцева, Попова, даже (но я не верю — было бы слишком ужасно) Гревса. Я очень любил Гумилева... Он был еще очень молод и подавал самые большие надежды. Это был своеобразный, но несомненный поэт. Он был романтиком, конечно, и упивался экзотикой, но этот романтизм был у него не заемный, а подлинно пережитый. Дважды с очень тощими средствами ездил он в Абиссинию... От его описаний действительно отдают морской пылью. Что касается отношения Гумилева к революции, то фактически мне об этом ничего не известно. Но в бой, если б понадобилось (и даже не понадобилось) идти или совершить какой-нибудь акт — на это он как раз. Ибо был он всегда безусловно храбр и рыцарски благороден“.

Размышления Иванова на религиозные и философские темы сложны, часто парадоксальны, порою и сомнительны. В эту часть его размышлений мы вдаваться здесь не станем.

Владимир Рудинский

Зарубежная жизнь

МОНАРХИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ ТЯГАЕТСЯ С СОВЕТСКОЙ МАФИЕЙ

(в том числе и в Аргентине).

В Мельбурне, в частности, есть база грузового парокходства. Суда все скуплены („прихвачены“) советской мафией из бывших номенклатурщиков, и моряки бессовестно эксплуатируются как новыми владельцами парокходов, так и арендаторами. У русских моряков не только нищенское жалование, но и нет никакой социальной защиты, никакой медицинской страховки.

К примеру, у электротехника судна „Александр Твардовский“ Александра Абрамова пальцы попали в одну из лебедок во время погрузки в Мельбурне. Два пальца пришлось ампутировать, а третий покалечен. Агенты компании „Дальневосточное Парокходство ФЕСКО“ хотели его сразу же по выходу из больницы отправить обратно в Россию. Однако, по настоянию А. А. Морозова, австралийский морской профсоюз „Maritime Union of Australia“ взял его под свою защиту. Профсоюз установил, что А. Абрамову за увечья и в качестве законного доведка к жалованию полагается 11.560 ам. долларов (тогда как агенты — цейлонцы хотели отделаться, заплатив ему всего лишь 487). Что касается жалования, по минимальной ставке, утвержденной ИТФ, электротехник получает 9 с половиной ам. долларов в час, тогда как „ФЕСКО“ выплачивает членам экипажей своих судов, плавающих под русским флагом 8 долларов 25 центов в день. Агенты оправдываются, что мол такая ставка была утверждена Морским Профсоюзом РФ.

В ответ на это, инспектор ИТФ Мэтт Пурсель направил в Москву факс следующего содержания: „Нам трудно поверить, что русский профсоюз, первым долгом которого является защита интересов трудящихся, в данном случае моряков, согласился стать сообщником бессовестной эксплуатации этих людей. Многие моряки объясняют сегодняшнее положение тем печальным фактом, что судовладельцы, директора и профсоюз — это одно и то же лицо. То есть те же люди. Кем они были в недалеком прошлом, тоже известно. Если это действительно так, то мы конечно не ждем никакого ответа, но сохраняем за собой право оказывать нашу поддержку в борьбе за справедливость. Если же русские профсоюзы будут защищать интересы трудящихся — в этом случае, моряков — то могут всецело рассчитывать на братскую поддержку их австралийских коллег“.

Итак, идет противостояние. У советской мафии — миллионы. На стороне русских моряков — австралийские профсоюзники и их вдохновитель и переводчик, бесстрашный эмигрантский монархический деятель Аркадий Александрович Морозов.

Михаил Киреев

МЕД И ДЕГОТЬ В РЕПОРТАЖЕ ИЗ МЕДОНА

Газета „Труд“ взяла интервью у настоятеля храма Русской Зарубежной Церкви в Медоне, в окрестностях Парижа, протоиерея Михаила Арцимовича. Церковь эта, о которой корреспондент пишет, что она „получилась просто игрушка; видно, что строили с любовью, ее голубая маковая головка как бы тяла в бездонной небесной синеве“, была воздвигнута в 1983 году. „Презренная церковь совсем пришла в упадок. Вот и пришлось новую строить. По грошикам деньги собирали“, говорит ее настоятель.

По словам „Труда“, прихожан осталось немного: 85 человек. Из них треть уже по-русски не говорит. „Раньше-то, рассказывает отец Михаил, в округе была большая колония. Ведь многие русские, оказавшиеся во Франции после Гражданской войны, устраивались рабочими на заводы Рено и Ситроэн, а они рядом, неподалеку. Самые бедные жили в Булонь-Бийанкуре, а чуть посостоятельнее в Медоне. Они покупали землю, строили домики. На местном кладбище около 350 православных могил насчитывается. А церковные колокола были заказаны в Голландии. Теперь они приводятся в действие с помощью электроники. Некому в них бить, а так достаточно нажать на кнопку и выбрать одну из шести программ: Литургия, Пасха, похороны, встреча архиерея, Великопостный звон...“

Прадед отца Михаила Арцимовича был вице-губернатором Сибири. Он был женат на Анне Михайловне Жемчужниковой. Это два ее брата и Алексей Константинович Толстой написали „Козьму Прутков“. Настоящий Козьма Прутков был у них кучером.

Надо сказать, что давать интервью пост-советским журналистам всегда сопряжено с риском. Казалось бы благожелательный в целом репортаж не обошелся однако без приплетенной сотрудником „Труда“ клюквы. Так, например, он написал, что „после войны руководство Русской Православной Церкви за Границей отправило Михаила вместе с другими активистами в Аргентину“. Газета также приписала протоиерею Михаилу Арцимовичу следующие слова, которых он — убежденный монархист — уж никак не мог произнести: „Аргентина испытала на себе несколько эмигрантских волн. Самую старую составляли те, кто бежал от царизма: матросы с броненосца „Потемкин“ (?) и евреи спасавшиеся от погромов“.

Затем парижский корреспондент „Труда“ вновь вкладывает в уста о. Михаила совершеннейшую чепуху, будто „казаки отправлялись в Южную Америку главным образом, чтобы воевать. Так, Парагвай сделал ставку на русских казаков, оказавшихся у разбитого корыта после Гражданской войны в России“. Во первых, подавляющее большинство казаков эмигрировало из Европы в Южную Америку отнюдь не для того, чтоб воевать, а в поисках заработка — и жило весьма мирной жизнью. Во вторых в войне с Боливией на стороне Парагвая воевали белые воины вообще: и казаки и дворяне и разночинцы. Упоминаемый в репортаже легендарный генерал И. Т. Беляев был сыном офицера Лейб-Гвардии Артиллерийской Бригады. Его прадед по материнской линии, Леонтий Федорович Трефурт, дипломат екатерининской школы, был адъютантом Суворова и принимал вместе с ним участие в Итальянском походе.

В репортаже „Труда“ есть еще и такой рассказ, приписываемый отцу Михаилу: „Был у меня в Парагвае один приятель по фамилии Ходолей, который впоследствии стал генералом парагвайской армии. Так он как-то рассказал мне следующую анекдотичную историю. „Понимаешь, Миша, — говорил мне он, — в парагвайских джунглях после той войны многие попугаи ругаются... русским матом. Своими ушами слышал. Попугаи долго живут. Так что до сих пор те полки оглашают лесные просторы великой и могучей русской речью...“

Б. Гасан

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПРИЗНАНИЕ УБИЙЦЫ

Нам пишут из С. Петербурга:

Здесь снят гриф „Секретно“ с рукописи в 400 с лишним страниц под заглавием „Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова“, написанной во Франции комиссаром Гавриилом Мясниковым и посланной в 1940-м году им лично Сталину.

Член РСДРП с 1905 года, боевик-экспроприатор, член ВЦИКа и председатель Пермского губкома, Мясников в 20-х годах за „левый уклон“ был исключен из партии и сослан в Ереван, откуда бежал в Турцию, а затем переехал во Францию. Вернувшись в 1945 году в Москву из Парижа он был моментально арестован, заключен в тюрьму, а затем и расстрелян за „измену родине“.

Сегодня „Дело Мясникова“, более полувека пролежавшее в стальных сейфах НКВД-КГБ, изучают специалисты. В вышедшем в свет в С. Петербурге сборнике „Минувшее“ уже появилась первая научная публикация на эту тему. Хотя основные события, связанные с гибелью Великого Князя Михаила Александровича известны, сочинение Мясникова проливает на эти события новый свет, позволяет дополнить картину деталями и подробностями.

В частности, он приводит рассказ Туркина, секретаря Пермского Совета, которого он послал к Свердлову в Москву, чтоб доложить о злодеянии. Вот его рассказ в изложении Мясникова:

„Я ему (Свердлову) передал то, что ты мне велел. И впечатление было очень сильное. Он был

очень, очень доволен и тут же созвонился с Лениным и немедленно назначил свидание. И я должен был повторить рассказ в присутствии Ленина и Свердлова. — Ну, а Ленин? Ленин тоже был очень доволен, что Михаил не убежал, а его убежали. Тут же они решили, что они знают, что он бежал. И пусть так и остается. А потом Ленин спрашивает: „А кто этот гражданин, что все это организовал?“ Свердлов ему напомнил: „А помните, мы вместе на открытие памятника Карлу Марксу ходили, и я еще сказал, что это наш философ?“ „Да, да, припоминаю“, — говорит Ленин. „Ну, так это он. Это один из самых больших стажеров. Орловскую каторгу вынес. У нас он один и таких, как он, нет“. — „И не глупый, видать“. Словом, знаешь, Гавриил Ильич, они очень облегченно вздохнули, когда узнали от меня об этом, и тебя хвалили...“

Рассказывая о подготовке убийства Великого Князя Михаила Александровича, Мясников вспоминает, о чем он думал тогда: „Если все сойдет гладко, то это послужит сигналом к уничтожению всех Романовых“.

БЕЛЫЕ В ПАРАГВАЕ

Нам пишут из Москвы:

В „Иностранце“, в статье под названием „Русские в Парагвае помнят Россию“ утверждается что „русская община там, хотя и немногочисленна, но довольно влиятельна. Как заявил недавно почетный консул РФ в Парагвае

Игорь Флейшер (тоже потомок русских эмигрантов), парагвайские русские полны желаний восстановить связи с исторической родиной“.

По словам автора статьи, А. Трушина, „русская община в Парагвае, состоящая в основном из детей и внуков белоэмигрантов, насчитывает в настоящее время около 600 человек. Русские сыграли выдающуюся роль в становлении вооруженных сил Парагвая и приняли активное участие в его войне с Боливией в 1932-34 годы. В рядах парагвайской армии находилось несколько десятков русских офицеров. Пятеро из них командовали полками. Генерал Иван Беляев был главным советником в генеральном штабе парагвайской армии. Он создал первый в Южной Америке кавалерийский индейский (из индейцев гуарани) полк. В пантеоне героев, в центре Асунсьона, значатся и имена шести погибших в этой войне русских офицеров“.

Однако, как отмечает автор статьи, русские в Парагвае отличались не только в военной области. Известный русский ученый Сергей Богровский создал на базе Асунсьонского Университета инженерный факультет и тем самым положил начало развитию инженерной школы Парагвая. Первыми профессорами этого факультета стали русские Кривошеин, Шушпанов, Исаков, Стороженко. Первой женщиной Парагвая, получившей диплом инженера, оказалась русская — Наталья Сыровалина, здравствующая и поныне.

В статье указывается, „что во время парагвайско-боливийской войны прославился и русский военный инженер Всеволод Канунников, чье имя носит одна из улиц парагвайской столицы. В последствии он стал создателем парагвайского речного флота. Его сын продолжает дело отца — владеет судоходной компанией.“

Консул Флейшер многие годы занимал пост заместителя министра промышленности Парагвая, десять лет возглавлял департамент государственного планирования этого министерства.

В русской общине Парагвая есть крупные предприниматели, врачи, военные, экономисты, адвокаты, деятели искусства. Светлана Евреинова, потомок русских эмигрантов, пытается создать в Асунсьоне оперную школу. В настоящее время на рассмотрении национального конгресса Парагвая находится подготовленный ею законопроект о выделении средств на открытие первой в стране консерватории.

“КРАСНОЕ КАЗАЧЕСТВО”

Нам пишут из Москвы:

Выходящий здесь журнал „Наши Вести“, орган Союза Чинов Русского Корпуса, опубликовал рецензию С. В. Волкова на изданный под эгидой Академии Наук первый том капитального труда Т. В. Таболиной, посвященный современному казачьему движению.

Отметив уникальность этого труда, а также трудолюбие и добросовестность исследовательницы, московский историк написал однако, что ее суждения наивны, „когда ей приходится касаться политических и исторических вопросов. Поэтому, например, автор (не подозревая об этом) совершенно в национал-большевицком духе видит „искусственность“ разделения современного казачества „на красных и белых“, а применительно к Гражданской войне говорит о „красном“ и „белом“ казачестве, что, конечно, звучит кощунственно“.

С. В. Волков подчеркнул затем тот факт, что „никакого красного казачества никогда не существовало, ибо казачество в годы Гражданской войны как сословие, и как совокупность административно-государственных структур целиком принадлежало Белому Движению (почему и являлось одним из основных объектов красного террора именно как казачество). Ни одно из существовавших в России казачьих войск не признало советской власти и до последней возможности с ней боролось. Разумеется, были „красные казаки“, воевавшие на стороне большевиков, но таковые, (как известный Ф. Миронов, братья Каширины и прочие) рассматривались казачеством как отщепенцы и предатели, и о „красном казачестве“ говорить не более правомерно, чем скажем, о красном дворянстве или купечестве“.

Что же касается современного казачества, по словам московского историка и публициста „никто не делил его на красных и белых. Такое разделение произошло совершенно естественно в силу принципиально различных политических ориентаций самих людей, считающих и называющих себя казаками. В частности, Союз Казаков — организация изначально „красная“, созданная при поддержке коммунистических структур людьми, не стеснявшимися заявлять, что „партийный билет казачьему атаману не помеха“, идеологи которой как раз и поднимают на щит упомянутых выше отщепенцев и предателей.“

Возникновение другой известной организации, Союза Казачьих Войск России и Зарубежья, было вызвано именно неприятием многими казаками просоветского духа Союза Казаков. Другое дело, насколько ее руководители сами могут считаться олицетворением „белого“ казачества, но процесс идейной кристаллизации идет и является не недоразумением, как это кажется автору, а как раз наиболее естественным и отрядным явлением“.

НИКОЛАЙ ЛЫСЕНКО

Нам пишут из Москвы:

Некогда один из руководителей петербургской „Памяти“, Николай Лысенко позже создал и возглавил Национально-Республиканскую партию. Депутат 1-ой Государственной Думы, публично порвал флаг украинских сепаратистов, а также заклеил в предательстве премьера В. Черномырдина, после его переговоров с чеченским террористом Басаевым.

Пятого декабря прошлого года неизвестные злоумышленники — предполагается, что кавказская мафия — взорвали его кабинет в Думе. Тринадцатого мая сего года Н. Н. Лысенко арестован по обвинению... во взрыве своего же кабинета. Вместе с ним в Лефортовской тюрьме содержится его помощник Михаил Рогозин.

ИЗМЕНА ЛИБЕРАЛОВ

Нам пишут из Москвы:

В 78-ую годовщину царевичей-царевичей „Христианское Возрождение“ и другие православно-монархические организации провели крестный ход. У часовни-памятника героям Плевны был прочитан акафист Царю-Мученику Николаю Второму. Затем, после молебна и кратких выступлений, монархисты с хоругвями и иконами, с пением молитв и гимна „Боже Царя храни“ прошли через Лубяньскую площадь и Никольскую улицу к Казанскому собору, где вновь был отслужен молебен о спасении России.

В своей речи у часовни-памятника героям Плевны, глава Союза „Христианское Возрождение“ В. Н. Осипов отметил, что „Банда Ленина, Свердлова, Троцкого, Зиновьева и прочих ненавистников России, банда отдавшая приказ об убийстве Царской Семьи, действовала не только во имя разжигания Гражданской войны в России, но выполняла прямое задание международного масонства“.

Однако, по словам В. Н. Осипова, „не только на большевиках-ленинцах лежит вина, а — в такой же степени — на тогдашних думских демократах, на милюковых, гучковских, родзянко и на генералах-заговорщиках и их братьях по ложе, изменивших присяге, предавших Императора и фактически свергнувших его с престола. Духовные наследники думских и армейских либералов начала века через 75 лет совершили новое и тягчайшее преступление: расчленение страны на 15 частей и колонизацию родины, передачу ее под ярмо международной финансовой плутократии. Только православная монархия, только национальная власть — наша последняя надежда. Только Пресвятая Богородица, покровительница России, и Святой Царь-Мученик Николай Второй — наша духовная опора“.

В Москве вышел из печати № 6(153) воссозданного журнала

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

Содержание:

От редакции: 7 февраля 1920 года.

Б. А. Лагодковский: Последний Императорский приз.

С. В. Вакар: Кавалерия.

В. М. Ткачев: Итоги работы русской военной авиации в Первой Мировой войне.

К. Стрельбицкий: Корабли белого флота.

И. Гиркин: „Традиционные части“ на юге России: хаос или система?

А. Кручинин: К истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну.

В. Цветков: „Легион святейшего патриарха Тихона“: гвардия православной Руси.

В. Дуров: Памятник истории Гражданской войны на Дону.

В. Ю. Липеровский: Август 1920, броневспомогатель „Жел-Бат. 2“

А. Кручинин: Люди белого дела — генерал-лейтенант А. П. Архангельский.

Документы из „Россыпи“: Рота князя Олега Константиновича.

В. В. Шульгин: Деникин и Врангель.

Главный редактор: А. С. Кручинин. Адрес редакции: Россия 109457 Москва, ул. Полетаева, д. 8, кв. 46.

“НАША СТРАНА”. Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактирует коллегия. Адрес: М. Kirееff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1 экземпляра: Аргентина - 1,00 песо; Германия - 1,80 марок; Франция - 5 франков. США и остальные страны - 1 ам. доллар. Объявления: за 1 см. в 1 кол. - цена 7-ми экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©“NASHA STRANA”-“NUESTRO PAIS”. Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980